

A young woman with long, dark hair in a thick braid is the central figure. She is wearing a light-colored, possibly cream or pale green, dress with a lace-up front and a brown, textured shawl or cardigan draped over her shoulders. She is looking slightly to her left with a serious expression. The background is a blurred bookshelf filled with books, suggesting a library or study. The lighting is soft and focused on her face.

Ominayashi

*Карандаши
для
двоих*

Ominayashi Ominayashi

Карандаши для двоих

<https://litres.ru/74593464>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Грифе, стоящем на краю болота, карандаши начали писать сами — не то, что хочет человек, а то, что велит неведомая сила: угрозы, приказы, странные рисунки дверей и лестниц в никуда. Элизабет, девушка с серыми глазами-камешками, приходит в лавку канцелярских товаров «Чистый лист» к тихому продавцу Уильяму — и за чашкой чая из болотного жасмина они решают найти источник странного колдовства. Путь ведёт на край города, в Дом на Краю, где живёт Морриган — человек, который так долго делал карандаши, вкладывая в них себя, что сам превращается в графит. Его помощники — Тень, Голод, Страх и Усталость — оторванные части его души, обретшие собственную волю и жаждущие подчинить город. Это сказка о том, что делает слово чужим, как вернуть его владельцу и можно ли собрать человека заново, если он раздал себя по частям.

Ominayashi

Карандаши для двоих

Карандаши для двоих, или Любовь, которую никто не заказывал

Город, который не умел молчать

Город Гриф стоял на краю болота, и этим, в сущности, можно было бы объяснить всё — если бы болото вообще хоть что-нибудь объясняло. Но болото не объясняло. Оно дышало. Ночью, когда туман поднимался с его чёрной воды и расползался по улицам Грифа, как тесто по сковородке, болото дышало ровно и глубоко, и спящие горожане ворочались во сне, не понимая, откуда взялось ощущение, что кто-то очень большой и очень терпеливый стоит у них под окном.

Гриф был городом невысоких домов — два, самое большее три этажа, и каждый этаж жил своей отдельной жизнью, связанной с соседним лишь тонкими магическими нитями: общая труба, общий двор, общий кот, который гулял по крыше и был убеждён, что крыши принадлежат ему по праву рождения. Дома были сложены из серого камня, добытого в ближних холмах, и от времени камень покрылся бархатистым мхом — не зелёным, как повсюду, а голубоватым, как будто мох тоже знал что-то, о чём молчал.

Улицы Грифа были узкими и кривыми, и каждая упира-

лась либо в болото, либо в холмы, либо в стену чьего-нибудь сада, через которую свешивались ветви яблонь, покрытых не то плодами, не то фонариками — в сумерках разобрать было невозможно. Фонари на улицах не горели. Точнее, горели, но не те, что стояли на столбах, а те, что висели в воздухе сами по себе, тёплые, медовые, размером с кулак, и двигались, если их просили. Впрочем, просить их двигаться считалось дурным тоном. Фонари сами знали, где нужны.

В Грифе было тридцать четыре пекарни, семь книжных лавок, две аптеки (одна продавала лекарства, другая — вопросы, на которые у них не было ответов), и одна лавка канцелярских товаров, которая называлась «Чистый лист» и принадлежала человеку по имени Уильям.

Нет, не так. Человеку по имени Уильям принадлежала не только лавка. Ему принадлежала привычка разговаривать с товаром, привычка просыпаться до рассвета и привычка думать, что он ничем не примечателен. Последняя привычка была особенно очаровательна, потому что Уильям был примечателен решительно всем — от того, как он носил свой длинный серый шарф (обмотав три раза, но так, что концы свисали на разную длину, и это выглядело не небрежно, а продуманно-асимметрично, как ветка на японском рисунке), до того, как он держал чашку — обеими ладонями, как птицу, которая может улететь.

Но начнём с Элизабет.

Глава первая. Девушка, которая пришла за карандашом

Она вошла в «Чистый лист» в четверг — это важно, потому что четверги в Грифе были особым днём. По четвергам ветер менял направление, и воздух пах то глиной, то ванилью, то старыми письмами. Элизабет вошла, и колокольчик над дверью звякнул дважды, хотя обычно звякал один раз, и Уильям поднял голову от бухгалтерской книги, в которой только что написал «4 пачки пергамента, розовый, 12 монет», и увидел её.

Элизабет была невысокой, с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, которая лежала вдоль спины, как спящая змея. На ней было длинное платье цвета топлёного молока, и поверх — коричневая куртка с карманами, в которых угадывались очертания книг. Глаза у неё были серые — не серые, как небо, а серые, как речные камни на мелководье: в них можно было увидеть всё, если наклониться достаточно близко и если река не слишком быстро бежала.

— Мне нужен карандаш, — сказала она.

— Карандаш, — повторил Уильям, словно слово ему не понравилось. Или слишком понравилось. — Какой?

— Любой. Но такой, чтобы писал то, что я хочу.

Уильям моргнул. Потом улыбнулся — не широкой продавцовской улыбкой, а той, что появляются у людей, когда они впервые за долгое время встречают кого-то, кто говорит не как все.

— Все карандаши пишут то, что хочет пишущий, — сказал он. — В этом, собственно, их назначение.

— Нет, — сказала Элизабет. — В этом городе — нет.

И она рассказала ему. Не всё, конечно — люди никогда не рассказывают всё при первом разговоре, и слава всему святому, потому что если бы рассказывали, то половина историй так бы и осталась первой главой без продолжения. Но она рассказала ему достаточно.

Карандаши в Грифе стали писать сами. Не все, но многие. Не сразу, но всё чаще. Ты берёшь карандаш, чтобы написать письмо матери — а карандаш выводит: «Не верь тому, что видишь на восточной окраине». Ты хочешь нарисовать дом — а карандаш рисует дверь, которой нет ни в одном доме, и лестницу, уходящую вниз. Ты хочешь записать рецепт пирога — а карандаш пишет: «Он знает, что ты здесь. Уходи.»

Уильям слушал, и лицо его медленно менялось — не как маска, а как небо: одна туча набегала на другую, и за всеми была видна ещё одна, и за ней — что-то, чего он сам пока не понимал.

— Откуда карандаши? — спросил он.

— Мои — от старого канцелярщика с Болотной улицы, — сказала Элизабет. — Он закрыл лавку месяц назад. Сказал, что ему снится один и тот же сон, и во сне кто-то учит его, как делать карандаши, которые пишут сами.

— Учит?

— Да. Кто-то на краю города.

Уильям встал из-за прилавка. Он был высок — выше, чем казалось, когда он сидел, — и шарф его качнулся, как маятник.

— Я знаю, кто на краю города, — сказал он. — Вернее, я знаю, что там есть дом. Его называют Домом на Краю. Я никогда туда не ходил. Не было причины.

— Теперь есть? — спросила Элизабет.

— Теперь есть, — согласился он.

И вот так, за четверговой беседой между продавцом канцелярских товаров и девушкой, которая пришла за карандашом, началось то, что потом никто в Грифе не мог объяснить и что все потом вспоминали с тем странным выражением лица, которое бывает у людей, видевших северное сияние: губы приоткрыты, глаза увлажнены, и слова не подходят.

Глава вторая. Карандаши, которые пишут сами

Потом, когда всё уже случилось, Уильям часто думал: а когда именно он понял, что дело плохо? Не тогда ли, когда Элизабет вошла? Не тогда ли, когда она рассказала про карандаши? Или ещё раньше — когда он проснулся утром и увидел, что все карандаши в его лавке лежат не так, как он их разложил?

Он был аккуратен с карандашами. Это было профессиональное, почти религиозное чувство: каждый карандаш — живое существо, у него есть характер, настроение, предпочтения. Акварельные карандаши любили лежать вразброс,

графитные — рядком, как солдаты, а цветные — парами, дополняя друг друга: красный с зелёным, синий с оранжевым, жёлтый с фиолетовым. Так было всегда. Уильям раскладывал их вечером, и они не двигались до утра.

Но в то утро — то самое, четверговое — все карандаши лежали одинаково: остриями к двери. Все до единого. Как стрелки компаса. Как послание.

— К северу, — пробормотал Уильям. — Что на севере?

На севере был край города, болото, холмы, и Дом на Краю.

Он не придал этому значения. Мало ли. Сквозняк. Магия. В Грифе магия была обыденностью, как пыль — в других городах. Но Элизабет пришла и рассказала, и всё встало на места — неровно, с щелями, но встало.

Вечером того же четверга они сидели в «Чистом листе» после закрытия. Уильям заварил чай — не из трав, а из лепестков болотного жасмина, который рос только здесь, у края трясины, и пах так, словно кому-то удалось сварить варенье из тумана и лунного света. Чай был бледно-зелёный, почти прозрачный, и в чашке плавал один лепесток, который медленно раскрывался, как крошечная медуза.

Элизабет разложила на прилавке карандаши — свои и те, что принесла подруга, и те, что нашла в заброшенной школе на Южной улице. Шестнадцать штук. Разных: короткие и длинные, гранёные и круглые, мягкие и твёрдые, с ластиком на конце и без. Она взяла лист бумаги — чистый, разумеется, какой же ещё в лавке «Чистый лист» — и положила перед

собой. Потом взяла первый карандаш и подвела его к листу. Карандаш вырвался из пальцев.

Нет, не вырвался — не так грубо. Он выскользнул, как кошка, которая решила, что её погладили достаточно. И начал писать.

Уильям и Элизабет смотрели, не дыша. Карандаш двигался быстро, уверенно, каллиграфически — так умеют только те, кто пишет всю жизнь, или те, кто никогда не думал, а просто знал. Буквы ложились на бумагу ровными рядами, и почерк был красивым — ни одного лишнего завитка, ни одной кляксы, ни одного колебания.

Текст гласил:

«Город мой. Карандаши мои. Слова мои. Вы будете писать то, что я велю, и писать будете красиво, потому что безобразие утомляет. Если кто-то хочет писать иначе — пусть попробует. Я буду ждать. Я умею ждать. Я ждал дольше, чем стоит ваш город на краю моего болота.»

Тишина в лавке была такой плотной, что, казалось, её можно потрогать. Чай остыл. Лепесток в чашке Уильяма перестал раскрываться и свернулся обратно, как будто ему стало страшно.

— Ну, — сказал Уильям, — это вежливо. По крайней мере, он предупреждает.

— Это не вежливо, — сказала Элизабет. — это объявление войны.

Уильям посмотрел на неё. Она смотрела на бумагу, и в

серых её глазах было нечто, что он потом назовёт про себя «яростью порядка» — не злостью, не страхом, а спокойной, собранной решимостью человека, который увидел беспорядок и собирается его устранить. Как хозяйка, которая обнаружила, что муравьи пришли на кухню, и теперь они об этом пожалеют.

— Вы не боитесь? — спросил он.

— Боюсь, — ответила Элизабет. — Но это не отменяет того, что я намерена делать.

— А что вы намерены делать?

— Найти его. Узнать, как он это делает. И сделать так, чтобы карандаши снова принадлежали тем, кто их держит.

Уильям кивнул. Потом встал, снял с полки жестяную коробку, в которой хранил особые карандаши — те, что сделал сам, из графита и глины, без магии, просто руками, — и положил перед Элизабет.

— Попробуйте этот, — сказал он.

Она взяла. Поднесла к листу. Карандаш не дёрнулся. Не выскользнул. Просто лежал в её пальцах, тёплый и послушный, и ждал.

Она написала: «Меня зовут Элизабет.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.